

После той дождливой ночи, когда Цзы Юй оказался на грани срыва, а Сюй Нин молча, но твердо взял его под свою опеку, отношения между ними в съемочной группе «Контрового света» словно перешли незримый рубеж.

Десять тысяч юаней, поступившие на счет Цзы Юя в срок, стали для него спасительным дождем, погасившим пожар долгов, который вот-вот готов был его поглотить. Никаких расспросов, никаких объяснений. На следующий день Сюй Нин даже не обмолвился о той тяжелой ночи.

Ранним утром, когда Цзы Юй открыл дверь, собираясь на площадку, на пороге его ждала новая, добротная и мягкая темно-серая ветровка. К ней была приколота записка, написанная твердым, уверенным почерком Сюй Нина: На площадке дует, надень. Коротко, как обычное напоминание.

Цзы Юй бережно прижал куртку к себе. Кончики пальцев уловили премиальное качество ткани, а в воздухе, казалось, еще витал тонкий, чистый и прохладный аромат, присущий Сюй Нину. Эта неброская забота и защита согревали его сердце, остывшее за долгую ночь, но в то же время давили на плечи тяжким грузом неоплатного долга.

Он хотел сказать спасибо, хотел объяснить, куда ушли деньги, но каждый раз, встречаясь взглядом с Сюй Нином, который на площадке оставался таким же невозмутимым, будто ничего не произошло, слова застревали в горле. Взгляд Сюй Нина словно говорил: не нужно слов благодарности, не нужно оправданий, сосредоточься на деле.

Это молчаливое взаимопонимание вынуждало Цзы Юя превращать всю свою признательность и внутреннее напряжение в почти фанатичную концентрацию на съемках. Особенно в преддверии ключевой сцены — прощания Чи Юя на больничной койке.

Место действия — холодная палата, белые как мел стены, едкий запах антисептиков. Цзы Юй в роли Чи Юя лежал на кровати, изможденный, с серым лицом. Лишь глаза, когда жизнь в них уже почти угасала, внезапно вспыхнули пугающим светом, наполненным обидой, зависимостью, мольбой и последней каплей тоски по брату.

Сюй Нин в роли Тянь Юаня ворвался в палату, измученный, запыленный, охваченный паникой. Его дорогой костюм был в грязи, прическа растрепана. Увидев умирающего брата, он споткнулся, словно из него в один миг выкачали все силы.

Камера приблизилась, взяв лицо Цзы Юя крупным планом.

Никаких надрывных рыданий, никаких громких обвинений. Он лишь слегка повернул голову и этими глазами, подернутыми мутию болезни, но все еще старательно распахнутыми, тихо, глубоко, почти жадно впился в лицо Тянь Юаня. В этом взгляде читалось душераздирающее сплетение чувств: горечь от того, что ты наконец-то пришел, страх перед уходящей жизнью, немое обвинение за прошлые обиды, но сильнее всего — топившая, пробирающая до мозга костей зависимость и нежелание отпускать. Одна слеза беззвучно и крайне медленно

скатилась из уголка глаза, теряясь в седеющих волосах у виска.

Его потрескавшиеся бледные губы едва заметно дрогнули. Голос, слабый, как дуновение ветра, почти тонул в стуке сердца, но пронзил тишину палаты, тяжело оседая в душе каждого присутствующего:

— Брат... ты... пришел.

Это был уже не вопрос, а смирение и осознание того, что всё кончено.

Затем он из последних сил, с огромным трудом, медленно поднял исхудавшую, исколотую иголкой руку в сторону Тянь Юаня. Движение было едва заметным, но весило целую вечность — будто он пытался ухватиться за последний луч света или просто убедиться, что человек перед ним настоящий.

В этот момент маска хладнокровия и высокомерия, которую держал Сюй Нин в роли Тянь Юаня, рухнула. Он с глухим стуком опустился на колени у кровати, крепко сжал холодную, сухую руку брата и уткнулся в нее лбом. Его широкие плечи затряслись, из глубины горла вырвался сдавленный, надрывный всхлип, полный бесконечного раскаяния и отчаяния. Актерская игра уровня кинозвезды — он вывернул душу персонажа наизнанку.

— Снято! — голос режиссера дрожал от восторга и едва сдерживаемых слез; он даже забыл сказать стандартное «отлично». — Это... это потрясающе! Идеально! Цзы Юй, Сюй, эмоции просто зашкаливают! Этот дубль... этот дубль станет легендарным!

На площадке воцарилась тишина, а затем взорвались искренние, бурные аплодисменты. Многие впечатлительные сотрудницы уже плакали навзрыд.

Цзы Юй лежал на кровати, все еще погруженный в пучину горя, его тело мелко дрожало, а слезы продолжали беззвучно течь.

Сюй Нин медленно поднял голову. Его глаза покраснели, белки были покрыты сеточкой сосудов. Он не разжал ладонь, лишь другой рукой сдержанно и утешающе похлопал Цзы Юя по тыльной стороне кисти. Его голос звучал хрипло и низко:

— Очень хорошо.

Эта похвала была дороже любой награды.

Эта сцена, несомненно, станет самой трогательной главой «Контрового света». Своим пронзительным взглядом и филигранной пластикой Цзы Юй доказал, что достоин роли Чи Юя и, что еще важнее, достоин молчаливой защиты и доверия Сюй Нина.

По мере того как съемки «Контрового света» подходили к концу, экранного времени у Цзы Юя

становилось меньше, но давление не ослабевало. Ежемесячный платеж по долгу висел над ним, как дамоклов меч: хотя прошлый кризис был улажен Сюй Нином, впереди ждали новые испытания. Из-за изнурительного графика и нервного напряжения он заметно похудел, а под глазами залегли тени.

После той дождливой ночи режим «молчаливой опеки» Сюй Нина стал еще более незаметным и естественным.

У двери Цзы Юя время от времени начали появляться аккуратные термосы. Внутри — то питательный куриный бульон, то каша для желудка, то свежие фрукты. На термосах всегда была лишь крошечная наклейка: «Питание от студии — для восстановления сил». Никакой подписи, но Цзы Юй знал, чьих это рук дело. Такой «официальный» подход позволял Сюй Нину заботиться о нем, не ущемляя его достоинство.

На перерывах, когда Цзы Юй от усталости дремал в кресле, Сюй Нин всегда «случайно» оказывался рядом — то читал сценарий, то просто отдыхал с закрытыми глазами. Он никогда не навязывался, но само его присутствие создавало невидимый барьер, ограждающий от шума и позволяющий Цзы Юю хоть на миг расслабиться. Иногда ассистенты «по пути» приносили Сюй Нину напитки или фрукты, и он всегда естественно просил их захватить лишнюю порцию для Цзы Юя.

В конце осени ночи на съемочной базе стали холодными. В перерыве между настройками освещения Цзы Юй, закутавшись в подаренную Сюй Нином куртку, все равно чувствовал, как коченеют руки и ноги. Сюй Нин сидел неподалеку в режиссерском кресле, перед ним стоял обогреватель. Посчитав, что тот стоит неудобно, он встал, подправил направление потока тепла и ушел обсуждать свет с оператором.

Тепло от передвинутого обогревателя как раз накрыло место, где сидел Цзы Юй. Он почувствовал прилив тепла и посмотрел на Сюй Нина, но тот стоял к нему спиной, полностью поглощенный работой. Этот момент случайно заснял проходящий мимо фанат, и размытое фото под заголовком «Сюй Нин и Цзы Юй делят один обогреватель» начало гулять по сети, став очередным «доказательством» их близости.

Во время короткого обеденного перерыва они «столкнулись» в коридоре у комнаты отдыха. Сюй Нин не стал спрашивать ни о долгах, ни о давлении, а просто заговорил о трудностях начала своего пути:

— Помню, когда я снимался в своем первом фильме, три ночи подряд не спал и чуть не упал в обморок на площадке. Тогда у меня не было ни связей, ни поддержки, приходилось выживать на зубах. Когда казалось, что сил совсем не осталось, я говорил себе: потерпи еще немного, может, завтра станет легче.

Его голос звучал ровно, будто он рассказывал чужую историю, но в этих словах было столько понимания и сопереживания, что это действовало сильнее любого прямого утешения. Цзы Юй молча слушал, глядя на спокойный профиль Сюй Нина, и в душе бурлил коктейль из чувств — признательность, стыд и ощущение того, что его наконец-то по-настоящему поняли.

Сюй Нин, сам того не подозревая, словно весенний дождь, день за днем питал уставшую душу Цзы Юя. Он так и не заговорил о долгах прямо, но своими действиями ясно давал понять: я вижу тебя, я поддерживаю тебя, я знаю, как тебе нелегко.

Накануне завершения съемок «Контрового света» официальный аккаунт студии Сюй Нина взорвал интернет новостью:

@Студия_Сюй_Нина: Рады объявить, что актер @Сюй_Нин станет постоянным наставником в шоу @Игрок_вне_границ! Также мы с гордостью представляем перспективного новичка @Цзы_Юя в качестве специального гостя программы! Ждем искр от этого дуэта на сцене Игрока вне границ! #Сюй_Нин_в_Игроке_вне_границ #Дебют_Цзы_Юя

Следом за этим официальный аккаунт шоу подтвердил участие.

Сеть взорвалась!

Фанаты пары ликовали:

О боже, официальный анонс! Брат Нин лично берет Юй-цзя на шоу! Контровый свет — это их прошлая жизнь, а Игрок вне границ — сладкое продолжение! Я умираю от счастья!

Зеваки были в шоке:

Что?! Цзы Юй? Тот новичок, что играл брата Сюй Нина в Контровом свете? Это что за уровень ресурсов? Прямоком в S+ шоу в паре с кинозвездой? Сюй Нин решил его продвигать?

Хейтеры и скептики неистовствовали:

#Цзы_Юй_ресурсный_игрок #Все_подтвердилось! Выходец из провальной группы, мало того что получил роль второго плана, так еще и в Игрока вне границ пролез? Студия Сюй Нина совсем страх потеряла? Пихают бездаря куда попало!

Ха, а не любовничек ли он Сюй Нина? Иначе с чего бы такая щедрость? Из-за смазливой мордашки? Или потому что умеет красиво плакать? #Цзы_Юй_вон_из_шоубиза

Фанаты пытались отбиться:

#Актерский_талант_Цзы_Юя Просьба не трогать Цзы Юя! Его игра в Контровом свете видна всем! Режиссер сам его хвалил! Разве старший коллега не может помочь новичку? Ждем Цзы Юя в шоу!

В топе поисковых запросов заголовки о «ресурсном игроке» и «протекции Сюй Нина» взлетели как ракета, затмив сам анонс. Злобные домыслы, ядовитые насмешки и слабые попытки защиты переплелись в настоящий информационный шторм.

Атмосфера на площадке стала напряженной. В поздравлениях сквозило любопытство, а то и нескрываемое презрение. Цзы Юй чувствовал на себе эти взгляды — зависть, насмешки, брезгливость. В перерыве он сидел в углу с текстом, и до него долетали обрывки фраз:

— Подумать только, присосался к звезде. Такой карьерный скачок — даже ракета так быстро не летает.

— Фильм еще не вышел, а его уже в шоу запихнули. Вот что значит «забота» кинозвезды.

— Кто знает, что там за сделки за кулисами... С таким нежным видом он, небось, умеет вызывать жалость...

Каждое слово жалило, как отравленная льдинка. Он сжал сценарий так, что побелели костяшки пальцев. Телефон разрывался от уведомлений с тегами #ресурсный_игрок, #через_постель. Его мутило.

Он пытался отгородиться от этого шума, но давление казалось невыносимым. Те самые глаза, которые на камеру могли передать тысячи оттенков чувств, сейчас были опущены, полные смятения и сомнений в себе. Защита Сюй Нина была теплым потоком, но злоба окружающих — ледяной рекой.

За обедом он взял поднос и по привычке направился в самый дальний угол. Только он сел, как напротив него, совершенно естественно, опустился еще один человек.

Это был Сюй Нин.

Он вел себя как обычно, будто бушующий снаружи шторм его не касался, будто он не видел, как Цзы Юй напрягся и побледнел.

— Последние две сцены на сегодня, слова выучил? — спросил Сюй Нин, берясь за палочки, словно обсуждал погоду.

— Да... выучил, — голос Цзы Юя дрожал. Он хотел спросить: почему вы выбрали меня? Почему вы так рискуете? Он хотел объяснить, что не имеет к этому никакого отношения...

Сюй Нин не смотрел на него, но, казалось, читал все его мысли. Он небрежным движением переложил со своего подноса самый аппетитный кусок рыбного филе в рис Цзы Юя.

— Попробуй, сегодня рыба хороша, — сказал он ровным тоном.

Цзы Юй оцепенело смотрел на рыбу, потом поднял глаза на Сюй Нина. Тот уже спокойно ел, будто это действие было самой обычной привычкой.

Когда Цзы Юй решил, что Сюй Нин снова промолчит, тот отложил палочки и посмотрел прямо на него. В этом взгляде была глубина, способная пробить любой шум:

— В этом мире много голосов, — его голос не был громким, но четко перекрыл гул площадки и

бурю в душе Цзы Юя. — Есть аплодисменты, есть и освистывание. Есть признание, есть и клевета. Важно лишь одно, — он сделал паузу, глядя прямо в глаза Цзы Юю, — чтобы ты сам знал, кто ты есть, какой путь прошел и сколько труда вложил.

Он зачерпнул ложкой суп, и его голос прозвучал весомо:

— Игрок вне границ пригласил тебя, потому что продюсеры увидели в демо-материалах «Контрового света» потенциал актера по имени Цзы Юй. А я, как актер, профессионально оценив твои данные, решил, что ты сможешь там удержаться и даже удивить всех.

Сюй Нин отпил супа и снова посмотрел на Цзы Юя взглядом, разгоняющим тучи:

— Цзы Юй, подними голову. Ты достоин этой сцены. Не благодаря мне, не благодаря кому-то еще, а благодаря каждой ночи, которую ты провел на площадке, каждой слезе, которую пролил, и каждой сцене, за которую режиссер крикнул «снято». Покажи им, на что ты способен — это будет лучшим ответом на все сплетни.

Сказав это, Сюй Нин замолчал и вернулся к еде, словно эти слова были лишь обычным обменом мнениями во время обеда.

Цзы Юй смотрел на него, не в силах отвести взгляд. Слова Сюй Нина ударили, как молот, разбивая стену сомнений, которую он возвел вокруг себя. Они стали несокрушимой плотиной, защитившей его от потоков грязи. «Ты достоин» — эти слова выжглись в его сердце, наполняя его силой. В носу защипало, глаза наполнились слезами. Он поспешно опустил голову и съел кусок рыбы. Нежный вкус, тепло, разливающееся по телу — вся холодная оцепенелость исчезла.

Он жевал, сглатывая слезы и эмоции. Когда он снова поднял голову, в его больших глазах уже не было смятения — лишь острая, твердая решимость.

Да, он докажет! Докажет, что Сюй Нин не ошибся, что он, Цзы Юй, достоин этого шанса и этой молчаливой, драгоценной веры.

Площадка все еще шумела, интернет-шторм продолжал бушевать. Но здесь, в неприметном углу, благодаря коротким, но пронзительным словам сидящего напротив человека, мир Цзы Юя обрел новую опору.

Он взял помятый сценарий, и в его глазах вспыхнул острый, сосредоточенный огонь. Теперь никакие «ветры и мечи» внешнего мира не могли его ранить. Только он сам знал, что пламя под названием «доказательство» разгорелось в его душе по-настоящему.